

У НЕГО были все данные, чтобы войти в круг поэтов пушкинской плеяды — одну из самых заметных звезд. Достаточно вспомнить о его поразительно ярком литературном дебюте, после которого зрелый Пушкин, признанный первый поэт и писатель России, произнес свои знаменитые слова: «*Теперь этот род сочинений можно мне и оставить*». Речь шла о сказке Петра Ершова «Конек-Горбунук». Примечательно, что автором сказки был восемнадцатилетний юноша, студент философско-юридического отделения Петербургского университета. Кстати, профессор русской словесности этого университета, близкий друг Пушкина Павел Александрович Плетнев на одной из своих лекций прочел отрывок из «Конька-Горбунка», и восхищенные слушатели с изумлением открыли для себя, что создателем прозвучавшего творения является находящийся среди них их сокурсник, провинциал-сибиряк из Тобольской губернии, даже и по нынешним временам считающейся чуть ли не краем света...

Казалось бы, какая перспектива, какое завидное будущее распахивались перед начинающим поэтом! Однако этим обещаниям судьбы не суждено было исполниться. Первое и главное сочинение Петра Ершова — сказка «Конек-Горбунук», словно комета, ослепительной вспышкой просияла над его головой, и до конца жизни он прожил в ее медленно гаснущем свете. Но творческая драма Ершова (ставшая, конечно, и личной жизненной драмой) могла быть предотвращена.

Кажется, мало на ком в такой степени, в такой неотвратимости, как на Ершове, подтверждается справедливость иронической формулы парадоксального Жана Кокто, заметившего однажды, что «*поэты рождаются в провинции, а умирают в Париже*». Именно этого «Парижа» был лишен Ершов, вынужденный за неимением служебных и протекционных перспектив по окончании

Град Небесный носит у Ершова явно выраженные русские черты. Иллюстрация к «Коньку-Горбунку» В.А. Милашевского.

К 185-летию Павла Ершова

ПОЭТЫ РОЖДАЮТСЯ В ПРОВИНЦИИ...

университета отправиться в родной Тобольск, правда, поначалу еще не теряя надежды вернуться в литературную столицу.

Во-первых, из Петербурга некому было протянуть руку помощи (ах, если бы жив был Пушкин!). Во-вторых, со временем, как это обычно бывает, стали затягивать житейские заботы, семейные обстоятельства. В-третьих, Ершов со свойственной ему беспримечной честностью и обязательностью все более погружался в служебные обязанности, проделав путь от скромного учителя до директора гимназии. Он даже написал со всею серьезностью несколько теоретических статей на тему народного просвещения... Повторялась судьба Алексея Кольцова и Ивана Никитина, незаурядным талантам которых не дала развернуться во всю мощь провинциальная воронежская среда. Но если Кольцову и Никитину все же хватало дыхания для лирических стихотворений, подпитывающихся впечатлениями и опытом личной жизни, то характер дарования Ершова был главным образом эпический и требовал иных условий. В планах поэта, например, было создание поэмы «Иван-царевич» «в 10 томах и в 100 песнях». В июне 1851 года Ершов признавался в черновом варианте письма к Плетневу: «*Не скрою от вас, что мысль о русской эпике не выходит у меня из головы. Но, живя в глуши, я не имею к тому материалов. Это обстоятельство преимущественно*

влекло меня искать места при Императорской Публичной Библиотеке, где я мог бы пользоваться всеми старинными сказаниями. Предоставляю Богу устроить мою судьбу...» Кажется, что этих строк Ершов Плетневу не отправил, и нетрудно догадаться, по какой причине. В этом тоже весь Ершов. Шепетильность и душевный такт его были таковы, что он, видимо, счел подобные признания в письме косвенным намеком на просьбу о помощи или о протекции. Прискорбно, но эта национальная черта русского человека, если он талантлив, нередко оборачивается для него настоящей драмой, оставляя его далеко позади более пронырливых и расторопных современников. «*Ты знаешь мой характер, — еще в молодости скажет о себе Ершов, — мысль обеспокоить кого-нибудь, особенно лицо, уважаемое мною, дает иногда самое пламенное желание*».

Необходимо помнить, что юный автор появился со своей сказкой не на голом месте, не на «безрыбье», как называется, а в самый пик расцвета этого жанра. Назовем лишь несколько сочинений этой поры, вошедших в золотой фонд отечественной классики: «Черная курица, или Подземные жители» (1829, А. Погорельский), «Сказка о попе и о работнике его Балде» (1830), «Сказка о царе Салтане» (1831), «Сказка о мертвой царевне и о семи богатырях» (1833), «Сказка о рыбаке и рыбке» (1833, Пуш-

кин), «Война мышей и лягушек» (1831, Василий Жуковский)... Последнюю свою «Сказку о золотом петушке» Пушкин написал в 1834 году после появления «Конька-Горбунка» и больше к этому жанру, как и обещал, не возвращался...

Почему в русских сказках побеждает добро, что делает их любимыми на все времена? Потому что в них дается как бы некая универсальная модель лабиринта жизни, из которого всегда есть выход. И удивительно, как в ершовской сказке эта «универсальность» с фольклорной легкостью, юмором и безудержной выдумкой подспудно создается из растворенных в народной культуре апокрифических, мифологических, литературных реминисценций.

И какая во всей сказке легкость, воздушность, непринужденность и непосредственность стиха! Какое совершенство формы: от головокружительной композиции до блестящих свежих рифм, до обаятельного балагурства, юмора, и все это в звенящей «народной жилке». Россыпи остроумных замечаний, наблюдений отнюдь не для детского разумения, которые открываешь лишь с возрастом. Перечтем хотя бы, как Ивану, простоте деревенской, видится в первый раз Царь-девица, явно не крестьянская, сродная ему крепкая кость:

*...А ножонка-то, ножонка!
Тыфу ты! Словно у цыпленка!
Пусть полюбится кому,*

Я и даром не возьму...

В творчестве тобольского периода это мастерство не утрачивается, хотя и не находит равноценного воплощения в лирической форме, к которой обращается Ершов. Но по оставшемуся томику стихов можно судить, что Ершов мог стать очень большим поэтом философского склада. Он владеет точностью и емкостью поэтической формулы («*Непостижимо мученья / Неустрашимое зерно...*»); в нем необыкновенно развито христианское чутье («*Но земная грядь боится / Бег небесный испытать...*»); в его стихах встречается неожиданная образность («*А по краям зубчатым переходом / Идет лесов готический навес...*»); в нем есть острота и резкость лермонтовских инвектив:

*Огражденный от соблазна
Ранней опытностью лет,
Я смотрю как зритель праздный
На волнуемый их свет...*

По-русски завершилась жизнь этого замечательного поэта-сказочника. Он умер в 54 года, в кругу семьи, в бедности и почти что в полной безвестности, в последние годы отойдя от суетного мира и глубоко погружившись в религию. Незадолго до смерти он напишет ясные и умиротворенные строки, в которых нет обиды на судьбу, а есть тихое и немного грустное прощение всему и всем...

*Враги умолкли — слава Богу,
Друзья ушли — счастливый путь.
Осталась жизнь, но понемногу
И с ней управлюсь как-нибудь...*